

При строительстве вавилонской башни все было сначала более или менее в порядке; порядок был даже, пожалуй, слишком большой, слишком уж много думали о дорожных указателях, переводчиках, жилье для рабочих и путях сообщения, словно впереди века спокойной работы. Тогда господствовало даже мнение, что строить нужно как можно медленнее; мнение это вовсе не нужно было так уж преувеличивать, чтобы вообще отказаться от закладки фундамента. Аргументация была такая: самое главное во всем этом предприятии – мысль построить башню, которая достанет до неба. По сравнению с этой мыслью все прочее второстепенно. Мысль эта, во всем своем величии явившись однажды, уже не может исчезнуть; пока будут на свете люди, будет и сильное желание достроить башню. В этом смысле, стало быть, не надо беспокоиться о будущем, напротив, знания человечества растут, зодчество делало успехи и будет делать успехи и дальше, работу, на которую нам нужен год, через сто лет, может быть, сделают за полгода, к тому же лучше, прочнее. Зачем же сегодня выбиваться из сил? Это имело бы смысл, только если бы можно было надеяться построить башню за время одного поколения. Но этого никоим образом нельзя было ожидать. Скорее можно было предположить, что следующее поколение с его более совершенным знанием найдет работу предыдущего поколения скверной и снесет построенное, чтобы начать заново. Такие мысли сковывали силы, и больше, чем о строительстве башни, заботились о строительстве города для рабочих. Каждое землячество хотело иметь самое лучшее жилье, из-за этого возникали споры, которые перерастали в кровавые стычки. Эти стычки не прекращались; для руководителей они были новым доводом в пользу того, что из-за отсутствия необходимой сосредоточенности башню следует строить очень медленно, а еще лучше – лишь после заключения всеобщего мира. Однако время проводили не только в стычках, в перерывах город украшали, чем, впрочем, вызывали новую зависть и новые стычки. Так прошло время первого поколения, но и все следующие не были иными, только росло мастерство, а с ним и воинственность. Вдобавок уже второе или третье поколение поняло бессмысленность строительства такой башни, но все были уже слишком крепко связаны друг с другом, чтобы покинуть город.

Все возникшие в этом городе предания и песни полны тоски о том предсказанном дне, когда город, пятью следующими через короткие промежутки ударами, разрушит исполинский кулак. Поэтому-то кулак и изображен на гербе города.